

Роман Злотников

ИМПЕРАТОР И ТРУБОЧИСТ

Том 2. Дворянин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Иллюстрация на переплете *Андрея Клепакова*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Император и трубочист. Том 2. Дворянин / Роман Злотников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-04-203566-1

В России, как известно, две беды — дураки и дороги. А ты, герой, связался с обеими.

И ведь, кажется, уже давно не простой трубочист, а Даниил Николаев-Уэлсли, радетель за будущее Отчизны и близкий друг государя императора Николая Павловича. Заводов настроил, сельское хозяйство поднял, не сегодня завтра железную дорогу через весь Урал протянешь — ан нет! Изволь драться на дуэлях, разгонять декабристов и даже — на крайний случай — жениться. А там видно будет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р.В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203566-1

— Скачет... — зачарованно произнёс Рылеев. После чего резко развернулся к остальным.

— Господа — вот он! Наш шанс! Сии минуты решают, одержим ли мы победу либо окажемся повергнуты в кандалах к трону узурпатора... Сейчас есть шанс всё изменить! Достаточно лишь отринуть все сомнения и твёрдо исполнить свой долг, — он стремительно развернулся к Каховскому: — Пётр, наше будущее, будущее всей России — в твоих руках! Если ты исполнишь свой долг — над нашей многострадальной родиной ярко вспыхнет солнце Республики! И все мы будем помнить, что возжог его именно ты! Все мы и вся Россия...

Каховский, зябко кутавшийся в очень похожее на шинель пальто с пелериной, растерянно уставился на воодушевлённо вещавшего ему соратника по Северному тайному обществу, после чего перевёл испуганный взгляд на двух всадников, лёгким галопом приближавшихся к совместному каре лейб-гвардии Московского и Гренадёрского полков. В переднем всаднике можно было безошибочно узнать великого князя Николая Павловича, который, согласно объявленному сегодня в пять утра перед Сенатом манифесту, по завещанию своего

брата — ныне почившего императора Александра I — должен был принять на своё чело корону Российского императора...

С восстанием всё пошло не так сразу же. Во-первых, князь Трубецкой, всеобщим решением избранный главой и диктатором восстания, вообще не явился к казармам, прислав слугу с сообщением, что он отказывается от своего поста. Что повергло большинство восставших в шок... Затем, едва только члены Северного тайного общества штабс-капитаны Александр и Михаил Бестужевы вместе с Дмитрием Щепин-Ростовским начали поднимать солдат лейб-гвардии Московского полка, как прибежавшие со стороны Екатерингофской лейтенант Арбузов и мичман Дивов срывающимися от волнения голосами сообщили, что Гвардейский флотский экипаж на Сенатскую не выйдет. Это буквально ввергло всех в ступор. Моряки всегда были самыми горячими сторонниками немедленного преобразования страны, всегда горячо поддерживая самые прогрессивные и передовые идеи, иной раз даже затмевая в этом самого Рылеева с его американско-республиканским задором, изрядно развившемся за время его службы в Русско-американской компании. Недаром он регулярно заявлял: «Во всём мире не существует хороших правительств, за исключением американского». И вот такой афронт...

— Как это?! Что случилось? — в ответ на посыпавшиеся вопросы Арбузов истерично всхлипнул, а Дивов зло ощерился и заговорил:

— Это всё вчерашние посиделки в кают-компании с Николаевым-Уэлсли... Он по вторникам регулярно появлялся у нас, в Гвардейском флотском экипаже и нередко участвовал в дискуссиях по самым разным вопросам. Если вы не знаете, то именно после подоб-

ных обсуждений и появились решения насчёт полного перехода военного кораблестроения на производство композитных кораблей. Или идея сокращения числа деков и пушек на линкорах и фрегатах в пользу перевооружения их куда более крупнокалиберными орудиями...

— А-а-а-а — «only big guns», — тут же встрял кто-то из офицеров, — как же, как же — помню. По этой глупой идее очень неплохо прошёлся господин...

— Заткнитесь, поручик, на эти воспоминания у нас нет времени! — несколько истерично рявкнул подбегавший Одоевский, который после отказа князя Трубецкого принял на себя командование восставшими, и коршуном развернулся к морякам. — Рассказывайте!

Лейтенант и мичман поёжились и переглянулись, после чего мичман нехотя продолжил:

— Так вот, нас вчера там не было, но нам передали... короче, как многие здесь слышали Николаев-Уэлсли всё время пытался увести дискуссию от будущего России ко всяким низменным вещам — металлургии, судостроению, производству паровозов и паровых машин в целом, либо, — тут мичман скривился, — вообще о каких-нибудь валенках или производстве молока и сахарной свёклы... как крестьянин какой-то!

— Да он и есть крестьянин, вернее — трубочист, — с возмущением прошипел кто-то. — Крепостной же бывший, — мичман запнулся и покосился, но Одоевский нетерпеливо дёрнул подбородком. Мол — продолжайте.

— Так вот, по рассказам, он вчера — как с цепи сорвался! Сначала просто язвил как не в себе, едва только речь заходила о том, что наступает удобный момент, дабы потребовать необходимых благих изменений в государственном устройстве, а затем разразился настоящей речью, в которой смешал в кучу всё — долг,

честь, верность, финансовые трудности новообразованных государств... умудрился даже приплести сюда Северо-Американские Соединённые Штаты, припомнив их дефолт конца восемнадцатого века¹. После чего покинул собрание. Но после его ухода в кают-компании развернулась очень жаркая дискуссия и-и-и... вот.

— То есть, милостивый государь, — Одоевский аж побелел от ярости, — вы мне что сейчас вещаете — одного разговора хватило, дабы господам морским офицерам отказаться от мечты о свободе?

— Да нет, — нехотя присоединился к разговору лейтенант, — так-то мы поднялись и стали вооружаться. Но сомнения после вчерашних выступлений этого николаевского выкорышка даже у меня возникли. Он же всё время говорил, что сам бывший крепостной и ехидно так вопрошал, сволочь, скольких собственных крестьян мы сами уже освободили?² После чего заявлял,

¹ Сразу после обретения независимости первый президент США Джордж Вашингтон реализовал программу секретаря Казначейства А. Гамильтона по реструктуризации долгов Конгресса и выпуску новых казначейских обязательств. Уже к 1779 году Конгресс объявил о девальвации данных обязательств по курсу 38.5 к 1. А окончательный их выкуп производился всего за 1% номинала. Это, на минуточку, к вопросу о «самой надёжной валюте мира» и о том, «что США никогда не допустят дефолта». Они с него начали...

² Из всех декабристов, среди которых были и весьма крупные земле- и, соответственно, крестьяновладельцы, например, Сергей Муравьев-Апостол владел 3500 душ крестьян, Трубецкой — 800 душ, Николай Тургенев — 700 душ, личных крестьян к моменту восстания не освободил НИ ОДИН. В отличие, скажем, от «императорского пса» и «реакционера» Бенкендорфа, который к декабрю 1825 г. освободил всех своих крестьян... А вообще из числа декабристов хоть какое-то телодвижение в этом направлении сделал только уже покойный к моменту восстания участник тайного общества Михаил Лунин, который в своём завещании (духовной грамоте) указал своему единственному наследнику, брату Николаю, освободить крестьян, согласно принятому императором Александром I ещё в 1803 году «Закона о вольных хлебопашцах»... через пять лет после своей смерти!

что Николай-де, в своём уделе уже всем вольную дал, да пообещал, как корону примет — всем государственным крестьянам так же вольную выписать. А ещё ерничал — мол, какие же вы освободители, ежели даже от царской семьи в этом деле отстаёте...

— И вы повелись на слова прихлебателя узурпатора?! — гневно воскликнул Щепин-Ростовский.

— Да нет же... — гневно воскликнул Дивов, — я ж говорю — мы уже матросов подняли и вооружаться начали. А тут генерал Шипов откуда ни возьмись. Тут же повелел Николаю Александровичу шпагу сдать. И Вишневному. А когда тот заартачился — натравил на него матросов.

— И они послушались?

Да он закричал, что новому государю императору уже Сенат и части гарнизона присягнули! Вот матросики и заколебались...

— А офицеры что?

— А офицеры в знак солидарности с Бестужевым и Вишневым так же своё оружие сдали и под арест пошли. И Мусин-Пушкин, и Кюхельбекер, и Окулов, и Бодиско... Так что из Гвардейского экипажа тут только мы с Антоном Петровичем.

Это была катастрофа! Гвардейский флотский экипаж обещался выставить не менее трёхсот-четырёхсот нижних чинов, а скорее — около тысячи. И теперь их можно было не ждать. А такое умаление рядов должно было очень сильно сказаться на основательности позиций восставших! Но, как выяснилось немного позднее, это было только начало неприятностей... Измайловский полк не пришёл вообще. Что там у них произошло — было неясно, но ни один солдат из казарм так и не вышел. Из лейб-гвардии Гренадёрского поручик Сутгоф сумел сагитировать и привести на площадь все-

го полуроту. Да и ряды основы восстания — лейб-гвардии Московского полка — за время, пока солдаты выдвигались по заснеженным улицам Санкт-Петербурга, изрядно поредели. Пара сотен человек точно подались в бега...

На самой Сенатской площади тоже всё пошло не слава богу. Из собравшейся толпы начали орать какие-то люди, обвиняя солдат в том, что «нынешний государь император за народ и правду стоит — школы открывает, крестьянам вольную даёт», что он «за народ и страну супротив Наполеонки-узурпатора кровь проливал» и «заместо всей армии один на поле Ватерловском со своими людишками грудью стоял», а выде — этакие предатели и изменники, супротив такого человека пошли! Отчего построившиеся в каре солдаты изрядно посмурнели лицом, а дезертирство заметно усилилось. К одиннадцати часам с площади начали убегать уже целыми плутонгами, а когда Оболенский попытался пресечь начавшееся бегство, выведя взвод и повелев стрелять по убегающим, — тот отказался стрелять и, в свою очередь, сам разбежался. Так что к полудню стало ясно, что восстание провалилось... И вот теперь у восставших появился шанс всё исправить. Один-единственный шанс!

Всадники подъехали вплотную к шеренгам восставших и остановили коней. Свежеиспечённый император приподнялся на стременах, явно собираясь обратиться к солдатам, и Рылеев снова жарко зашептал Каховскому в ухо:

— Ну же, Пётр Григорьевич — вся Россия смотрит на вас! Да что там Россия — весь цивилизованный мир! Решайтесь!!

Каховский судорожно сглотнул, сделал шаг вперёд и начал медленно поднимать свой целевой «Ле Паж»...

ЧАСТЬ I

УРАЛ — ОПОРНЫЙ КРАЙ ДЕРЖАВЫ

1

— И всё это за последние три года! — самодовольно заявил Николай, после чего, довольно осклабившись, ухватил зубами кусочек шашлыка и резким движением головы сдёрнул его с шампура.

— Солидно! — кивнул Даниил, аккуратно переворачивая шампуры на монструозном клёпаном мангале, выстроенном прямо в зимней беседке.

— Солидно?! И это всё, что ты можешь сказать? — рассердился великий князь. — Да ты понимаешь, что это в два раза больше, чем за предыдущие десять лет!

— Ну-у-у... в предыдущие годы как бы война была. А сейчас уже давно мир. Благодаря государю императору мы эвон даже в греческие события не особо ввязываемся. Больше французы с англичанами там рулят. Хотя Турция-то у нас под боком, а не у них... Так что можно было и поболее денег в казне отыскать на такое благое дело.

Николай вздохнул:

— Нет денег в казне. Совсем. Брат сказал — до сих пор от войны отойти не можем. Без бюджета живём. Дай бог всего несколько раз за девятнадцать лет его правления смогли оный хотя бы принять, а свести

и вообще ни разу, то есть как деньги в казну приходят, так тут же улетают на неотложные нужды. Я уже с ним и про новые железные дороги говорил — бесполезно. Гатчинскую построили — и на этом всё... Да и ту, сам знаешь, в большей мере за твой счёт.

— Наш.

— Ну так-то — да, — согласился Николай. — Но мы с Мишкой к твоим заводам только номинальное отношение имеем. Хотя и числимся главными владельцами. А так ты сам здесь всем управляешь.

Даниил про себя довольно усмехнулся. Получилось у него в мозги Николая и Михаила правильные мысли заронить. Потому как подобное заявление — ну совсем не типичное для нынешней аристократии.

— Ну так вы самое важное сделали — позволили мне всей прибылью распоряжаться.

— Так ты же её и создаёшь, — усмехнулся Николай. — Да и вообще, опыт показал, что твои действия к её приумножению приводят. Эвон как с паровозами дело застопорилось — так ты быстренько производство перестроил и много чего выпускать начал: судовые машины, паровые краны, копры, землечерпалки... да и железная дорога ныне тоже весьма прибыльна, хотя затраты всё ещё не отбились. Так что у нас с Мишкой есть тайный коварный план — как только прибыль совсем уж неприличной станет, вот тогда-то мы её и отберём. А пока давай, раб на галерах, — паши на нашу пользу! — и они оба расхохотались.

Посиделки с шашлыками Данька по старой памяти начал устраивать с прошлой зимы. Вот как-то накатила на него в феврале ностальгия, ну он и решил отпраздновать День Советской армии и Военно-морского флота как раньше... то есть позже... короче, как в прошлой жизни. Велел склепать на заводе мангал, замариновал мясо

в луке и специях, достал из погребка несколько бутылочек красного бургундского, которое здесь и сейчас было куда более доступно, нежели какое-нибудь грузинское, и устроил посиделки с руководством завода. Очень тогда мужики подивились тому, как самый близкий к ним из хозяев преподобного Моисея Белозерского и преподобную Горгонию, сестру святого Иоанна Богослова, странно чествует. Их именины аккурат на двадцать третье февраля пришились... Но в целом мероприятие всем понравилось. Да так, что слухи про него начали как круги по воде расходиться. Ну дык никогда местный люд ничего подобного шашлыку не едал. Да и сам антураж — мангал, мясо на вертелах, но кусочками, а не тушкой, печиво из овощей... Так что в конце концов они дошли и до Михаила с Николаем. Отчего те тут же потребовали и им устроить необычное угощение. Так что пришлось на преподобных Иеремию и Пафнутия Боровского и великомучеников Афонских Евфимия, Игнатия и Акакия, что на первое мая выпали, устраивать посиделки уже с великими князьями. Причём они так же сильно удивлялись странному выбору даты.

С тех пор так и пошло — по памятным в этом времени только ему датам. Двадцать третье февраля, первое и девятое мая, ну и седьмое ноября. День, так сказать, Великой Октябрьской социалистической революции... Нет, шашлыки он делал не только в эти дни. Уж больно подобные посиделки обоим младшим великим князьям по душе пришились. Но все другие разы — исключительно по заказу. А вот эти четыре даты стали обязательными. Хотя ни Николай, ни Михаил так и не поняли, почему он к этим вполне себе обычным дням привязался...

В этом году девятое мая выпало на Вознесение Господне, но на шашлыки смог приехать только Николай.

А Михаил с сожалением сообщил, что у него никак не получится. Потому как именно на этот день у него с Кутайсовым и Засядько назначены очередные пробные стрельбы нового орудия, которое как раз по идеям, каковые Даниил в той записке по артиллерии изложил, и сделали. Стрельбы эти, насколько Данька знал, были уже шестыми, причём все предыдущие ничем хорошим не закончились. Слава богу, в той самой записке бывший майор изложил (ну, насколько помнил) регламент испытаний со всеми требуемыми мерами безопасности. Так что взрывы и разрушения орудий к жертвам среди расчёта и испытателей не привели... По идее, после стольких неудач стоило бы и бросить, но у Мишки доверие к Даниилу было почти абсолютным. Поэтому он упрямо продолжал и продолжал неудачные эксперименты с новыми пушками.

— Значит, со школами дело сдвинулось.

— Вот только что и сказать можно, что сдвинулось, — вздохнул Николай. — Нам не то что тысячи — десятки тысяч школ нужны, а где на них не то что денег, хотя бы учителей взять — непонятно.

— А чего непонятного-то — учить. Создавать новые учительские институты и...

— Не на что. Я ж тебе говорил — денег в казне нет. И так три четверти новых школ открыты на деньги благотворителей и собранные по подписке. Матан расстаралась. Сами бы хрен столько собрали... Слава богу хотя бы набор в Главный педагогический институт удалось расширить более чем в три раза — с тридцати до ста человек в год. Но на этом — всё. Дмитрий Александрович категорически заявил, что денег на новые «эксперименты» в области образования более нет.

— То есть и твоя мечта о новом университете так же побоку?

Николай хмыкнул:

— Э, не-ет... с ним не всё так однозначно. В Екатеринбурге, как ты предлагал, никак его открыть не получается. Уж больно мало там народу живёт. Даже до двадцати тысяч население не дотягивает... Так что мне предложили Гельсингфорс или Варшаву.

— Да ну на хрен! — выпучил глаза бывший майор.

— А чего не так? — удивился Николай. — Князь Голицын настоятельно рекомендует открыть университет в каком-нибудь из этих городов. Чтобы вовлечь иностранцев в научную и культурную жизнь империи и усилить государственный аппарат в Царстве Польском или Великом княжестве лояльным чиновничеством.

— Да с какой стати оно будет лояльным-то? — вскинулся Даниил.

— Ну-у-у... у Алексея Николаевича целый проект подготовлен. Я смотрел. Во-первых, преподавание планируется вести на родном языке — польском или финском...

Бывший майор с размаху хлопнул себя по лицу:

— Да твою ж мать! Николай, у вас там совсем народ голову не использует?!

Великий князь тут же вскинулся:

— Даниил, ты, конечно, мой друг и тебе многое позволено, но я бы попросил...

— То есть для школ, в которых преподавание ведётся на русском языке, — у него денег нет, а для университета, где преподавание будет вестись на польском и чухонском, — найдёт? Он хоть понимает, какую бомбу под империю закладывает?

— В смысле? — не понял Николай. — Это же обычная практика — учить студентов на языке, на котором говорят люди в той местности, в которой расположен университет. В Дерптском, например, преподавание

ведётся на немецком, а в Виленском — на польском и латыни...

— Ну если вы хотите, чтоб империя распалась, — то так и продолжайте. Потому что массовое высшее образование на национальном языке формирует и расширяет именно *национальную* элиту. Которая при первой же возможности начнёт строить своё *национальное* государство, оттяпав от империи не только свои национальные земли, но вообще все, какие только будет возможно. До которых руки дотянутся.

— Формирует? — усмехнулся Николай. — То есть ты хочешь сказать, что пока университета не было — не было и элиты?

— Ну нет, конечно, — слегка смутился Даниил, но затем упрямо вскинул голову. — Была, но-о-о... знаешь, можно сказать так — университет повышает качество старой элиты и резко умножает число новой. Пусть и низовой — тех самых чиновников, таможенников, учителей, полицейских. Кому на самом деле они будут верны, выучившись на национальном языке и проникнувшись национальной историей и культурой? И не будут ли они воспринимать нашу империю как захватчика, растоптавшего их пусть и маленькое, но, несомненно, развитое, достойное и уютное национальное государство... или как минимум саму возможность его создать? России действительно нужно, чтобы на её недавно присоединённых окраинах происходило именно это?

Николай задумался:

— Хм-м... с такой стороны я на это не смотрел. Всегда считалось, что достаточно получить верность аристократии, а остальной народ последует за ней.

— Ну да — аристократия всё зарешает, — фыркнул Даниил. — После французов с их революцией не смешно так думать-то?

Молодой великий князь ожёг его злым взглядом:

— Данька — не забывайся!

— Да молчу уже, — сдал назад бывший майор, но всё-таки не удержался и добавил: — А я бы всё-таки послал в эти ваши Виленский и Дерптский университеты какого ловкого человечка, чтобы тот разузнал, как оно там всё на месте обстоит. Точно лишним не будет...

Николай молча покачал головой:

— Вот всё время так — пока я к тебе ехал, думал вместе порадуемся, а с тобой поговорил — так вся радость прошла напрочь. И что теперь делать прикажешь?

— Да что делать понятно — нужно русские школы и университеты открывать, а не к разным инородцам подлизываться, — пробурчал Даниил. — Но если тебе неприятно, когда я свои мысли высказываю, — так скажи. Буду молчать, шашлыки жарить да кофе заваривать... как раньше.

— Будто ты раньше когда-нибудь молчал, — пробурчал Николай. — Хотя, надо признаться, уважения от тебя, до того как ты дворянином стал да железную дорогу построил, куда больше чувствовалось. А ныне совсем распоясался, — он вздохнул. — Ладно, я вот ещё о чём с тобой поговорить хотел. Ты Николая Никитича Демидова помнишь? От которого к тебе приезжали эти... как их...

— Отец и сын Черепановы?

— Да, точно! Так вот, ты же знаешь, что они на вас с англичанином насмотревшись, затеяли большую заводскую дорогу от Нижнего Тагила и до Верхнесалдинского завода...

— Ну да, старший Черепанов мне об этом писал. Они, помнится, думали ещё парочку затеять — до Невьянска и Кушвы.

Николай вздохнул и поморщился:

— Об этом уже речи не идёт. У них и на первой что-то не то творится. Построить-то они её в основном построили, но вот работает она как-то не так. Всё время какие-то проблемы... Уже три крупных крушения случилось. Действительно крупных — и народу побило, и пути разрушились. Вот он мне и написал, попросив отпустить тебя на Урал, дабы ты разобрался там, что они не так делают. Ты как, сможешь дела наших заводов на кого-нибудь оставить и съездить посмотреть, в чём там проблемы?

Даниил задумался. В принципе, никаких особенных препятствий к этому не было. Завод... работал. И приносил прибыль. Вот только, смешно сказать, — паровозо- и вагоностроительный завод зарабатывал на всём чём угодно, кроме как на паровозах и вагонах. Потому что на них нынче заказ был только от Демидовых, причём цену ему пришлось выставить практически по себестоимости. Чтобы вообще получить этот заказ. У Демидовых-то на Урале и свои заводы были — о-го-го, да и Черепановы много чего нахватились за те несколько месяцев, пока у него гостили. Так что и паровоз, и уж тем более вагоны они могли и сами сварганить... Да, пожалуй, возможно, даже заметно хуже — приблизительно такие же, какие делали все остальные, кто занимался их производством... ну кроме Тревитика, но сделали бы. И поэтому цену пришлось снижать. Не ниже себестоимости, конечно, но где-то очень близко к ней... А основные деньги зарабатывали в основном на мелочовке — на производстве писчих металлических перьев, керосиновых ламп, готовален, линеек, угольников, транспортиров и всём таком прочем. Нет, более крупные заказы тоже исполнялись — те же паровые копры и краны, паровые машины для привода станков и для речных судов и буксиров, которые строились на заводе

Берда, но подобных заказов пока был мизер. Новых же заказов на паровозы и вагоны не было вообще. Так что после выполнения заказа Демидовых эти цеха просто останутся. Да и не факт, что всё заказанное будет востребовано. Ну, учитывая, что планы по постройке дорог на Невьянск и Кушву отложены... Потому что никаких новых железных дорог в стране не строилось — у государства денег на это не было, частные же лица, несмотря на все усилия увеселительной железной дороги, которая продолжала с успехом гастролировать по городам и весям России, вкладываться в столь незнакомое дело пока не рисковали. Так что делать ему на заводе было по большому счёту нечего. С текущими задачами справится помощник управляющего. Ветка от Финского залива до небольшого порта в устье Мги так же не была сильно востребованной, хотя кое-кто успел оценить удобство перевалки грузов паровыми кранами сразу на поданные платформы и доставки на устье Мги, где тут же всё теми же паровыми кранами их перегружали на речные барки. Но по большей части народ пока предпочитал пользоваться привычными причалами в Санкт-Петербургском порту. Керосиновый заводик и цех керосиновых ламп также пока работали ни шатко ни валко. Ну да народ здесь был по большей части привержен старине и весьма насторожен к новому. Так что слоган «новый, улучшенный» здесь, скорее, привёл бы не к росту продаж, а к сокрушительному провалу рекламной кампании... Нет, какую-то часть рынка средств освещения они себе получили, но пока не очень большую. Здесь, скорее, более коммерчески успешным стало бы производство свечей, например тех же парафиновых... но, в отличие от керосиновых ламп, про их «конструкцию» или, скорее уж, технологию производства бывший майор не знал ничего, кро-

ме самого этого слова. Впрочем, он попытался что-то сделать... ну как — сказал Карлу, что он слышал, что где-то есть такие «парафиновые свечи», после чего тот запустил серию исследований, но пока ни к какому внятному результату это не привело.

А вот со спичками дела шли всё лучше и лучше. Дошло до того, что он на каком-то этапе закончил с расширением собственной спичечной фабрики и сосредоточился только на изготовлении состава для спичечных головок и тёрки, распродавая их всем желающим за весьма приятную цену. Пока это было возможно в первую очередь потому, что некоторые технологические примочки изготовления этого состава всё ещё не были известны никому, кроме самого Даниила и ещё пяти человек, которые работали на него. Нет, сам состав уже раскусили, но вот как его изготавливать, причём по цене ниже, нежели он сам его продавал, — пока оставалось загадкой... Сколько это продлится, никто сказать не мог, но Данька рассчитывал ещё минимум на год полной тайны, а затем ещё не менее полугода на разворачивание производства и вывод на рынок продукции конкурентов. И за это время он собирался снять с рынка всю возможную маржу... Да и потом, какая-то часть клиентов может не захотеть, так сказать, «менять шило на мыло» и предпочтёт и дальше использовать знакомую продукцию с понятным графиком поставок и удобным сбытом. Хотя цену тогда, понятное дело, придётся сбросить.

Ещё неплохо себя чувствовала мастерская по валянию валенок. Управляющий даже предложил расширить её, но бывший майор поступил иначе. Сделал ещё три мастерские в своих деревеньках. Так что теперь было куда и девать шерсть с овец, которые держали крестьяне, и чем занять мужиков зимой.